

ским, белозерским помещиком)¹. Это же слово приводит В.И. Даль ([Даль³ 2, 917]: «новг.-бел.», без ударения, с вопросом к слову и родовой пометой «м.»; см. также [СРНГ 18, 302]). По поводу ударения в приводимой В.П. Бурнашевым форме заметим, что подобные случаи известны, ср. *морошкá* ‘ягода северных стран и болотных почв, бледно-красного цвета, имеет силу прохладительную, противоцинготную’ и *морозкá* ‘большая глыба глины, облитая замерзшею на ней водой’² – так что сомневаться в достоверности этой формы не приходится. Сюда же присоединим и отмеченное в том же ареале существительное *мотоу́зок* м.р. ‘несколько оборотов пряжи, ниток, смотанных на руку, по обычаю вязей’ ([Даль³ 2, 916–917]: «нвг.»; во втором издании в соответствующем месте приводится форма *мотоу́зок* [Даль 2, 351]; см. также [СРНГ 18, 302]). Если эта форма достоверна, то можно реконструировать праслав. **motovorzъkъ*, парадигматический вариант к **motovorzъka*, а гласный у, вероятно, появился под влиянием формы *мотоу́з*.

Гнездо праслав. **verzti* в восточнославянских языках сохранилось в небольшой степени. Среди существительных с корневым вокализмом о отметим рус. *пáворозка* ‘веревочка’ (пск.) [СРНГ 25, 112] и *поворóзка* ‘завязка (тесьма, шнур, веревка и т.п.)’ (курск., орл., пск. ...) [СРНГ 27, 261] и укр. *ворóза*, *ворóзка* ‘веревка или ремень в кнуте, которым бьют’ [Гринченко 1, 225]. В этом же ряду можно рассматривать и предполагаемую форму **мотоворозка* (< **motovorzъka*), которая впоследствии подверглась упрощению. Причинами упрощения могли стать: 1) затемнение внутренней формы; 2) особенности фонетической структуры слова: четыре подряд слога с гласным о; 3) влияние параллельных форм с и без в, имеющих идентичное или близкое значение, ср. *мотоу́с* ‘веревочка, которой привязывают кудель к прялке’ – *мотову́з* ‘то же’; 4) влияние каких-то форм, содержащих последовательность морфем *мот–ор–* (**mot–or–*). Следует также считаться с общей тенденцией сложных слов к упрощению.

Л.А. Феоктистова
Уральский университет

К семантической реконструкции русского диалектного как *мжа съела* ‘пропасть, исчезнуть’

На территории Архангельской области зафиксированы фразеологические сочетания с устойчивым глагольным и варьирующимся именным компонентами: *как мжа съела* ‘о чем-либо быстро исчезнувшем’

¹ Бурнашев В.П. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. СПб., 1843. Т. 1. С. 404.

² Там же. С. 402.

[СРНГ 18, 151], (*верно*) *амжа съела* (Пин, Шенк) ‘о чем-либо, что ищут, но не могут найти’ [АОС 1, 71], ‘о чем-либо потерявшемся’ [ЛК ТЭ] и *мжака съела* (Вель) ‘то же’ [ЛК ТЭ]. Внутреннюю форму этих фразеологизмов как будто проясняет яросл. *как мжа ест* ‘о быстро расходующихся продуктах’ [ЯОС 5, 11], ср. *заест* ‘растратить’ [СРГСУ-Д, 171]; модель ‘тратить, расходовать’ → ‘исчезать, переводиться’ представлена, например, в семантике глаголов *испотребиться* ‘пропасть, исчезнуть’ [СРНГ 12, 241], *стра́титься* ‘издержаться, известись или пропасть, затеряться, погибнуть’ [Даль 4, 337]. Приводимый в словарной статье контекст *Не успеваю сахар покупать, как мжа ест его* актуализирует, однако, первичное значение глагола *есть*, заставляя тем самым осторожнее подходить к дефиниции этого выражения (создается впечатление, что определение ‘о быстро расходующихся продуктах’ формируется сигнификатом объекта действия, а не самого действия). В пользу правомерности данного определения, с другой стороны, свидетельствует контекстное значение арх. *как мжа съела*, см.: *Денежки как мжа съела* (предмет действия вполне несъедобен, поэтому значение ‘растрачиваться’ кажется более «конкурентоспособным»). Собственно говоря, задача состоит в том, чтобы выяснить, как соотносятся внутренняя форма и значение идиомы, и поэтому достаточно существенно то, что в дефиниции яросл. *как мжа ест* может быть представлен как денотат абстрактного, так и сигнификат конкретного значения.

Очевидно, что значения входящих в состав идиомы компонентов должны быть согласованы друг с другом, в этом смысле существительное *мжа* ‘тля’ [ЯОС 6, 45] как нельзя лучше подходит к глаголу, см. *съедать* ‘повреждать, портить, изгрызая, протачивая; о насекомых, грызунах’ [ССРЛЯ 14, 1336]. В принципе, если опустить как не совсем точное определение ‘о быстро расходующихся продуктах’, можно было бы допустить реализацию в семантике заглавной идиомы перехода ‘уничтожать, поедая’ → ‘исчезать = переводиться’. Но тут возникает второе *если*, которое, естественно, ослабляет весомость этого предположения: так как в статьях на слово *мжа* и на идиому *как мжа ест* приводится один и тот же иллюстративный контекст, вызывает сомнения то, что значение ‘тля’ реально существует. Хотелось бы уточнить, что в гнезде праслав. *тъѣа подобная реконструкция логически вполне оправданна, но, как представляется, она не совсем отвечает особенностям функционирования идиомы в системе диалекта.

Среди продолжений праслав. *тъѣа, производного с суф. *-ja* от и.-е. **meigh-* ‘мочиться’ [ЭССЯ 21, 179], наряду с названиями собственно метеорологических явлений, встречаются обозначения медовой (медвяной) росы – сахаристых выделений тлей и других сосущих на-

секомых¹, см. зап.-брян. *мжа* 'мелкий дождь, изморось' [СРНГ 18, 151] и зап.-брян., смол. *имжа́* 'изморось, мелкий дождь, медовая роса' [СРНГ 23, 193]. Суффиксальное производное арх. *мжа́ка* вне выражения *мжа́ка съела* употребляется в значении 'мелкий дождь, изморось' (Уст) [ЛК ТЭ], в то же время форма *амжа́* соотносится с арх. (Кон), влг. *омжа*, влг. *омжа́* 'обжора' [ЛК ТЭ], ср. *мжа* 'жадный, алчный человек' [СРГМ 3, 25] и влг. *есть как омжа* 'много есть' [ЛК ТЭ]. И все же это, думается, несколько не противоречит высказанному выше замечанию относительно гипотетичности значения 'тля', поскольку частотное ударение на первый слог указывает на связь лексем *омжа* и арх. (Вель, Вил), влг. (Хар) *омег* 'ядовитая трава, растущая в озере' [ЛК ТЭ], см. также арх. *омежник* (Карг), *омежнік* (Вель, Нянд), влг. (Вож, Кир) *омежної корень* [ЛК ТЭ]. Производность слова *омжа* от названия несъедобного растения, помимо фонетического сходства, доказывает тот факт, что одна из этих лексем в значении 'человек, который много ест; обжора' (Кир, Кон) дублирует другую, выступая в качестве ее варианта (об этимологии *омега* см. ниже). Отправной точкой для развития этого значения, возможно, стала устойчивая ассоциация имени с чисто бытийной ситуацией поедания ядовитого растения скотиной (и ее гибели), см.: *Омега наестся корова, пропадет; Колхозная корова омегу объелась, околела* и под. Ср. другие вторичные значения слова *омег*, непосредственно мотивированные вредоносными свойствами реалии: 'неприятная на вкус или вредная пища' (Вил, Кир, Кон), 'спиртные напитки, курево', 'пьяница, алкоголик' (Кир) [ЛК ТЭ]; оборотная сторона всеядности и ненасытности показана в значениях влг. *какого тебе омега надо?* 'о капризном, требовательном человеке', *омегу тебе еще не хватает* 'о привередливом человеке', *омегу тебе еще каленого* 'о капризном, привередливом человеке' [ЛК ТЭ]. Смещение ударения на второй слог и появление начального *а-* в окающем говоре могло произойти в результате переосмысления внутренней формы имени – на эту мысль наводят смол. *амка* (с пометой детск.) 'пища, еда', *амки* 'есть, кушать' при наличии *амжа́ тебя ешь* 'черт (нечистая сила) тебя побери' [ССГ 1, 73]. Вместе с тем нельзя не учитывать регулярного развития гласного в абсолютном начале слова перед группой сонорного и шумного (или сонорного) согласных, возникшей после утраты редуцированных, см. *оржаной* в окающих, *аржаной*, *иржаной* в акающих говорах² – в нашем случае обнаруживается то же соответствие, см. также белор. *имжа́* 'мел-

¹ Большая советская энциклопедия. Т. 31. С. 544.

² См.: Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963. С. 116.

кий дождь, туман; изморось' [СБГ 2, 343]¹. Происхождение форм *омжа*, *омжá* 'обжора' с подвижным ударением, равно как и пск., симб. *омжа* 'о несметном множестве чего-либо: тьма, пропасть, гибель, куча' [СРНГ 23, 202]² можно, таким образом, объяснить контаминацией *омег* и *мжа*. Участие в этом процессе второго слова не ограничивается только звуковой «аранжировкой»: выражение *есть как омжа* 'много есть' акцентирует сему множества, которую содержит довольно изолированное в гнезде *тъжа значение 'жадный, алчный человек' [СРГМ 3, 25] и которая присутствует в названии мелкого дождя, измороси, см.: *Мошак много, як імжы; Што імжы, рыбы* [СБГ 2, 343]. Возвращаясь к идиоме (верно) *амжá съела*, скажем, что вряд ли стоит рассматривать ее как инвариант по отношению к двум другим («гиперкорректным») формам лишь в силу лежащей на поверхности сочетаемости имени и глагола, потому что значение 'обжора' при всей своей экспрессивности все же не обладает тем семантическим потенциалом, который необходим и достаточен для появления выражения *амжá тебя ешь* (*съешь, побери*) 'черт (нечистая сила) тебя побери'.

Существенно дополнить представления о семантической организации деривационного гнезда *тъжа позволяет его производное *пáмжа* (*пóмжа*), которое имеет не только значения 'погода' (пск., смол.), но и 'болезнь', 'смерть', 'беда, невзгода, напасть', 'черт' (пск.) [СРНГ 25, 184; 29, 212]. В парадигме структурно однотипного и фонетически близкого слова *пáмха* (*пóмха*) обнаруживаются явные параллели к этим значениям, см. 'изморось с туманом' (новг.), 'слабость, недомогание' (арх., влг., калин.), 'моровая болезнь, эпидемия' (влг., новг., твер.), 'беда, напасть, несчастье' (влг., ленингр., новг., твер.), 'черт, леший' (новг., твер.) [СРНГ 29, 226; 25, 187; ЛК ТЭ], ср. также влг. *пáмжа* / *пáмха напала* (*напахала, напсала* и др.) 'говорят, когда приключится несчастье или моровая болезнь' (Устюж) [ЛК ТЭ]. Исходные смысловые звенья сохраняет *пóмха* (*пóмох, пóмóха*) 'вредные для растущих хлебов и овощей животные, насекомые' [СРНГ 29, 226], 'тля Aphidea' [СГСЗ, 364–365], *пóмха* 'болезнь растений, когда они покрываются рыже-бурым налетом (вследствие поражения «ржавчинным» грибом от обилия влаги и тепла)' [СРНГ 29, 226], а последнее звено – 'смерть, исчезновение' – будет, вероятно, представлено в значении глагола *помийтсья* 'пропасть, потеряться' [НОС 8, 106]. В.А. Меркулова,

¹ Ср. *оржáник* 'нерест леща во время созревания ржи', *орженік* 'лещ, появившийся во время цветения ржи' в том же Кирилловском р-не Вологодской области [ЛК ТЭ], где фиксируется *омжа*, *омжá* 'обжора'.

² Ср. смол. *омгла* (удар?) 'тьма, мгла' (со знаком вопроса): *Дождьдался Ягорья, сейчас яма эта светлеет; через щелочку свет идет... И пошли змеи в тую диричку; во и лезуть, и лезуть, омгла эта вся...* [СРНГ 23, 197].

пасть, потеряться' [НОС 8, 106]. В.А. Меркулова, привлекая к анализу соотносящиеся друг с другом значения 'мелкий дождь', 'туман', 'дремота, сон' слов *мжа* и *пáмжа*, моделирует связь лексем *мха* 'медвяная роса', *кúмоха* (*кóмуха*, *кóмоха*) 'лихорадка', *пóмха*, *пáмха* 'эпидемия' с гнездом праслав. **тъха*¹, см. с.-хорв. *táha* 'mosco', рус. *мо́ха* 'мошка', *мха* 'ржа на хлебе, болезнь колоса', диал. *моха́* 'мелкий дождь' [ЭССЯ 20, 211]. Но можно и наоборот, отталкиваясь от значений *пóмха*, *пáмха*, восстановить недостающие звенья в парадигме значений его структурного аналога, тогда идиома *как мжа съела* могла возникнуть в результате обобщения значения 'вредная роса или туман; вызванная ими болезнь растений' → 'гибель, смерть; потеря, исчезновение' и отчасти под влиянием аттракции к выражению *ест как ржа (железо)* (в обозначениях болезни растений привлекает внимание цвет – ржавый, рыже-бурый). Ср. *ржа*, *ржа́вина*, *ржа́вчина* 'болезнь растений, особенно колосового хлеба, который покрывается рыже-бурою пылью' [Даль 4, 95], *ржа*, *ржа́вец* 'вызываемое ржавчинными грибами заболевание растений, сопровождающееся появлением оранжевых пятен' [СГСРПО, 541], *ржа́вец* 'туман, поражающий зерно злаковых растений' [СРГП, 237], *ржа* 'мелкий затяжной дождь' [СРГА 4, 31].

Не отрицая возможности такого истолкования, укажем еще на одну: обратившись к тем же, по сути, обозначениям измороси и тумана, имеющим свойство непрозрачности, можно развивать идею их вторичного сближения с глаголом *есть* (*съесть*), ср. литер. *туман*, *мрак*, *тьма* *поглощает*, *поглотил(а)* [ССРЛЯ 10, 168]. На языковом уровне это свойство находит отражение в соотношении праслав. *тъѣ с *тъга и *тъгла [ЭССЯ 21, 179], см., например, белор. *мжа* 'мгла', *мга* 'изморось' и 'мгла' [Миртов, 183], *имга́*, *имга́* 'состояние погоды, среднее между туманом и моросящим дождем' [СРНГ 12, 191]. Вероятность существования модели 'становиться темным' → 'переставать быть видимым' → 'исчезать' подтверждают некоторые вторичные значения глаголов с исходной семантикой мерцания, угасания, однако в ряде случаев сходные значения развиваются на базе семы интенсивности ('ослабевать' → 'истощаться, уменьшаться' → 'умирать; прекращаться, исчезать'). Ср. *помéркнуть* 'стать незаметным, исчезнуть' [СРНГ 29, 206] и *измéркать*, *измéркнуть* 'пропадать, исчезать, тая или высыхая' [СРНГ

¹ См.: Меркулова В.А. Диалектная лексика и этимология // Этимологические исследования. Екатеринбург, 1996. Вып. 6. С. 23. Следует заметить, что в отношении происхождения *хумохи* у исследователей нет единого мнения: в противоположность В.А. Меркуловой (см. *то́же* [ЭССЯ 13, 102]) А.Е. Аникин придерживается версии о заимствовании из карел. *kuimahuš*, *kuimehuš* 'лихорадка', подвергая сомнению праславянский возраст этого слова [Аникин, 312].

12, 145], *потухнуть* ‘исчезнуть, надолго пропасть’ [СРНГ 30, 318] и *притушиться* ‘исчезнуть, пропасть, перевестись’ (см. контекст: *Не стала грудью-то кормить, молоко-то притушилось*) [КДЭС], *сгаснуть* ‘пропасть без вести, погибнуть без слуху’ [Даль 4, 163] и *погаснуть* ‘умереть, погибнуть (о человеке, животном, растении)’ [СРНГ 27, 290], *изгаснуть* ‘погибнуть, пропасть, околеть’ [СРНГ 12, 115].

Благоприятные условия для подобного развития семантики в гнезде праслав. **mъža* создает, кажется, омонимия глаголов **mъžiti* I ‘мигать, жмуриться’ (< и.-е. **meigh-* ‘мерцать, мелькать, мигать’) и **mъžiti* II ‘моросить’ [ЭССЯ 21, 181–182], продолжения которых, как отмечают составители словаря, не всегда можно последовательно разграничить. Интерес для нас в связи с этим представляет отглагольное существительное *мжэние* ‘мгла’ [СРНГ 18, 151], которое с равной степенью вероятности может быть мотивировано как значением ‘мигать, мерцать’ (**mъžiti* I), см. др.-рус. *мжити* (*мжэти*) ‘меркнуть, заходить (о солнце); исчезать’ [СРЯ XI–XVII вв. 9, 45], так и ‘становиться пасмурной (о погоде)’ (**mъžiti* II ‘моросить’).

В.А. Меркуловой была предпринята попытка обосновать этимологическое тождество названных глаголов с восстановлением единого исходного и.-е. корня **meig-* ‘мерцать, мигать’ и ‘становиться темным’. Подразумевалось, что ко второму значению относятся слова, характеризующие состояние погоды (‘становиться пасмурной’) и по сходству с ним – состояние человека (‘находиться в состоянии затемненного сознания’)¹. Степень корня *-oi-*, по мнению В.А. Меркуловой, может быть с некоторыми оговорками реконструирована в названии ядовитых растений **obmĕgъ*, значение которого в этом случае аналогично значению слова **obmogъ*. В данном случае В.А. Меркулова ссылается на мнение М. Фасмера [Фасмер 3, 138], который соотносит оказывающий одурманивающее воздействие *омег* с глаголом *мигать*, но по заданной ею логике, значение праслав. **obmĕgъ* вместе с значениями ‘дремота, забытье’, ‘сон’ входит в группу ‘становиться темным’ (‘находиться в состоя-

¹ См.: Меркулова В.А. Украинские этимологии. 1 // Этимология. 1973. М., 1975. С. 58–60. Примечательно, что почти в это же время В.А. Меркулова доказывает возможность объединения в гнезде **mork-*, **merk-*, **mork-* значений ‘кивать головой, засыпая’, ‘мигать’, ‘темнеть’, ‘мелкий частый дождь’, ‘сверкать, переливаться (о свете)’, ‘понимать, знать’, ‘бредить’, ‘призрак’, ‘обман’, ‘беспамятство’ и др., рассматривая это гнездо как отражающее сложное колдовское (шаманское) действие с такими обязательными компонентами, как ритуальный танец с однообразными движениями, ритмичная музыка, колебание костра и, как результат, состояние транса. См. ссылку на статью В.А. Меркуловой «К истории становления медицинской терминологии» – *Slawische Wortstudien*. Bautzen, 1972. S. 137–138 – в ЭССЯ [21, 134].

нии затемненного сознания')¹. В ЭССЯ, напротив, показывают двойственность мотивировки значения 'дремать' (не только 'становиться пасмурной', но и 'мигать, мерцать') и вслед за глаголами *mьžiti I и *mьžiti II разграничивают *mьžati I и *mьžati II (<*mьža), которые соотносятся с ними [21, 179, 181–182]. См. твер. *мжить* 'моросить (о дожде)' и 'дремать', 'бредить', 'находиться в полудремоте, беспамятстве', *мжась* 'дремать', *мжа* 'дремота', *мжа взяла* 'вздремнулось' [Даль 2, 324], пск., твер. *пáмжа* (*пóмжа*) 'дремота' [СРНГ 25, 184; 29, 212]. Но оставив в стороне дискуссионный вопрос о родстве лексем *омег* и *мжа*, которое могло бы в несколько ином свете представить взаимодействие их дериватов, укажем на то, что в версию вторичного сближения значений *мжа* (*мжáка*) 'мелкий дождь, изморось' с глаголом *есть*, *съесть* плохо укладываются корреляты заглавной идиомы – выражения как *мжа ест* 'о быстро расходующихся продуктах' и *амжá тебя ешь* (*съешь, побери*) 'черт (нечистая сила) тебя побери', поэтому более обоснованно выглядит версия генерализации значения 'медовая роса'.

А.А. Застырец
Уральский университет

К вопросу о семантических переходах в словах со значением 'холодный, морозный'

Одна из актуальных проблем современной этимологии и семасиологии – исследование развития лексической семантики не столько на уровне общих закономерностей и путей трансформации смыслов, сколько в связи с изменениями значений отдельных слов-понятий. В связи с этим на данном этапе развития этимологии возникает необходимость инвентаризации семантических переходов. «В таких частных закономерностях, касающихся сдвигов в значениях слов, отражаются особенности человеческой культуры, характерные интеллектуальные ассоциации и вместе с тем выявляются специфичные черты каждого отдельного языка и культуры, отражаемой в нем»².

Данная статья посвящена выявлению моделей формирования значений, соотносящихся с температурными ощущениями, в частности, с ощущением холода.

¹ В.А. Меркулова ранее также усматривала связь слова *омег* с лат. *vomis* 'рвотный' альтернативно версиям М. Фасмера и В. Махека [Machek², 414], производившего *омег* от ст.-чеш. *otiežditi* 'отравить', связанного с общеслав. *miza*, рус. *мезга* 'невкусный сок'. См.: Меркулова В.А. Из истории названий некоторых растений // Этимологические исследования по русскому языку. М., 1961. Вып. 3. С. 18–19.

² Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998. С. 489.